

**ПРАВОСЛАВНЫЙ «ГРЕЧЕНИН»
НИКОЛАЙ ОСТАФЬЕВ МАМГУСЕЛИН (МАХМУТ-СЕЛИМ)
И ГРАМОТЫ ПАТРИАРХОВ
ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА***

Татьяна Анатольевна Опарина

кандидат исторических наук,
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Институт российской истории РАН

Аннотация. Статья посвящена реконструкции биографии одного из иммигрантов из Османской империи и роли в его судьбе грамот патриархов Христианского Востока. До прибытия в Россию Николай Остафьев Мамгуселин уже имел 35-летний боевой опыт в османской армии. В России он 27 лет провел на полях сражений как в военном ведомстве для иностранцев, так и вместе с русскими ратниками. Его вхождению в русское общество и продвижению в нем способствовало наличие грамот Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и Иерусалимского патриарха Феофана. В статье поднимается вопрос о характере перевода грамоты Кирилла Лукариса, в которой в русской версии появились дополнительные фрагменты. Кроме того, иммигрант с тюркским фамильным прозвищем, используя грамоты патриархов, сумел убедить русские власти в своем православном вероисповедании на родине.

Ключевые слова: миграция, дипломатические контакты, Россия и Христианский Восток, Османская империя и ее вассальные государства.

* Приношу благодарность за помощь при работе над статьей В.Г. Ченцовой и А.П. Павлову.

Николай (Миколай) Остафьев сын Мамгуселин (Магнуселим, Мамгуселин)¹ приехал в Россию 6 ноября 1627 г. Он использовал сухопутный путь из Османской империи и, соответственно, достиг русских границ в Путивле. Здесь «греченин» присоединился к группе монахов афонского Иверского монастыря. Старцы во главе с архимандритом Акакием собирали пожертвования для своей обители. К концу 1627 г. они прибыли в Россию, рассчитывая на получение материальной помощи («милостыни»)². Цели Николая Мамгуселина в Путивле воеводы зафиксировали иные: говорилось о его желании принять русское подданство. Причем выходец из Османской империи обладал важными документами. «Переезчик» смог предъявить две грамоты Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Одна была обращена к царю, другая — к Московскому патриарху: «А с собою привез листы от Цареградцково патриарха Кирила: один лист ко государю Михаилу Федоровичу, второй лист — к патриарху Филарету Никитичю»³.

Воеводы Семен Васильевич Прозоровский и Андрей Ильич Толбузин подготовили отписку в Посольский приказ⁴, сообщив о прибывших иностранцах. А на время, необходимое для получения ответа из Москвы, монахи и мирянин оставались в Путивле. Из таможенных доходов им было выделены средства на пропитание. Николай Мамгуселин, как покажут последующие расспросы, ранее был связан с военной службой, наиболее вероятно, в кавалерии. Сейчас же он располагал собственной лошадей. Ему назначили на неделю 9 алтын 4 деньги (включая и «конский корм»)⁵. Согласие на прибытие в Москву «пе-

1 Следует отметить, что в одно время в России находилось два человека с подобным фамильным прозвищем. Помимо Николая Остафьева сына Мамгуселина был еще Николай Зотов сын Мамгуселин. См.: *Отарина Т.А.* Два Николая Мамгуселина — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII в. // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи. Материалы международной научной конференции, 13–14 октября 2016 г. М.: Издательский центр Института Российской истории РАН, 2016. С. 169–172.

2 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 2.

3 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1; Оп. 13. Стб. 29. Л. 89.

4 Там же; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 39–40.

5 *Флоря Б.Н.* Записи из приходно-расходной книги путивльской воеводской избы за 1627–1628 гг. о русско-балканских связях // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 226.

реезчика» пришло ранее решения о монахах. 14 ноября 1627 г., выдав на дорогу на две недели 19 алтын 2 деньги, воеводы отправили его в столицу — «отпушон к Москве»⁶.

Выбор ведомства для оформления русского подданства был сделан воеводами. Семен Васильевич Прозоровский и Андрей Ильич Толбузин направили мирянина в Разрядный приказ, где было зафиксировано: «И прислали ис Турские земли выходца греченина Миколая Мамгуселина»⁷. 4 декабря 1628 г. иностранец прибыл в Москву⁸, передав руководству Разрядного приказа греческие документы: «И он же Миколаи Мамгуселин подал в Розряде дьяком думному Федору Лихачеву да Михаилу Данилову два листа греческих. И те листы в Розряде переведены»⁹. В сохранившейся греческой грамоте речь идет о «некоем Николае», получившем поддержку и благословение предстоятеля Вселенского престола: «Мы ставим настоящим в известность твоему царствию, что в него прибывает некий христианин по имени Николай, преследуемый агарянами, и везет наше письмо»¹⁰. В тексте говорилось, что Николай испытал тяжелейшие гонения и преследования от турок, в результате чего оказался в тюрьме. Его заточили в темницу по обвинению в неуплате долга в размере 100 000 аспров, из которых, продав все свое имущество, он смог отдать лишь 40 000. Остальные же 60 000 он не имеет возможности вернуть. Константинопольский патриарх Кирил Лукарис обращался к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу с просьбой об оказании помощи греку.

Для ознакомления с греческими бумагами потребовалась помощь сотрудников Посольского приказа, для чего в Разрядный приказ был приглашен Борис Богомольцев¹¹. Видимо, в силу его участия грече-

6. Флоря Б.Н. Записи из приходно-расходной книги... С. 227.

7. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л.1.

8. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1; Ф. 210. Оп. 13. стб 43. Л. 369; Оп. 13. Стб. 29. Л. 89; Оп. 16. Стб. 2. Л. 204.

9. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1.

10. РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. 1627. № 43. Л.1.

11. РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. 1627. № 43. Л.1 об. Л. 10б.: «Переведена. А переводил Бориско Богомольцев». О нем см.: *Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. С. 164–163.*

ская грамота сохранилась в архиве дипломатического ведомства¹². Оригинал перевода, к сожалению, неизвестен. Но выдержки из него присутствуют во многих делопроизводственных документах Посольского и Разрядного приказов. Все цитаты содержат иную версию истории семьи Николая Мамгуселина: «А в листах пишет Царегородской патриарх Кирилл царю Михаилу Федоровичу, а в другои листу к патриарху Филарету Никитичю о том греченине Миколаи. Что был де у него брат родной именем Георгии. И впал в великий безчисленный долг, и заложил своих дву сынов именем Остафеи да Истому за бо ооо деньгами, а по руски 300 рублев. И отца их, а ево Миколаева брата не стало. И приехали они было об отцовских вотчинах царю бити челом. И их отцовские должники, которым они задолжали, ухватили и посадили в тюрьму. И ныне они сидят в тюрьме и вступитца за них некому, потому что мир убог»¹³. Таким образом, в русском переводе тюремное заключение относилось не к Николаю Мамгуселину, а к его родным. В долговой яме оказался не иммигрант, а его племянники — Остафий и Истома. Под залог своих детей брал деньги родной брат Николая — Георгий. После его кончины племянники оказались в темнице. Для освобождения юношей из турецкой неволи требовался большой выкуп. При этом греческий и русский тексты объединяли размер необходимой суммы: 60 000 аспров (которым в переводе был найден русский эквивалент в 300 рублей), а также личность просителя — Николая Мамгуселина. Объяснить подобные расхождения возможно внесением дополнений в процессе перевода.

Не исключено, что Николай Мамгуселин не был услышан в канцелярии Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и, как результат, подробности его семейной драмы не отразились в окончательном документе. Он получил востребованный стандартный формуляр¹⁴, в который было внесено его имя, а не племянников. Но в России подобное прошение не имело силы. Николай Мамгуселин уже

12. РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. 1627. № 43.

13. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Лл. 2–3, 6–8. См. также: Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 89.

14. Фонкич Б.А. Формуляр грамот Константинопольского патриархата XVI–XVII вв. (По материалам московских архивов) // Вторые чтения памяти проф. Николая Федоровича Каптерева. Материалы. М., 2004. С. 23–27.

нашел приют у русского царя, избежав тюрьмы. Получить деньги на собственный выкуп он не мог. Однако расспросы в Москве помогли прояснить ситуацию и внести поправки. «Греченин» сумел убедить московские власти в необходимости помощи своим родственникам (имена которых отсутствовали в патриаршем документе). Он объяснил, что беда случилась с его племянниками, которым требуется защита царя и Московского патриарха, и что именно о них просит Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Можно предположить, что принять подобную трактовку греческого документа помог находивший на тот момент в Москве османский посланник Фома Кантакузен¹⁵. В 1627 г. Фома повторно приехал в Россию, обладая посланием Кирилла Лукариса¹⁶. Борис Богомольцев, наиболее вероятно, по просьбе Фомы Кантакузена включил в подготовленный им перевод рассказ о племянниках иммигранта. В любом случае, вскоре Фома Кантакузен активно включится в дело Николая Мамгуселина.

В Москве с повышенным вниманием отнеслись к прошению предстоятеля Вселенского престола. В период подготовки к Смоленской войне (1633–1634) контакты с Константинополем активно расширялись. Иерархи Христианского Востока выступали посредниками между русским царем и турецким султаном, на участие которого в предстоящей войне с Речью Посполитой рассчитывали русские власти¹⁷. В 1627 г. при помощи Фомы Кантакузена был подготовлен проект антипольской коалиции между Россией и Османской империей. Его ратификации надеялись достичь в ближайшее время при помощи посольства Семена Яковлева и Петра Евдокимова, которое готовилось в Москве.

В этой ситуации грамота Кирилла Лукариса не могла остаться незамеченной и, соответственно, сразу была принята к исполнению.

15. *Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // *Россия и Христианский Восток*. Вып. 2–3. М., 2004. С. 248–287.
16. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 6.
17. *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 1. М., 1998. С. 98; *Фонкич Б.Л., Оборнева З.Е.* Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.) // *Монфокоп*. Вып. 4. М., 2017. С. 135–155.

При этом Николаю Мамгуселину пришлось подготовить и собственную челобитную: «И Миколаи Мамгуселин о том окупу государю и отцу иво государеву Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии бил же челом»¹⁸; «Во... 136-м году бил я челом государю о племянниках своих, о выкупе с Турской земли»¹⁹. Отклик последовал незамедлительно: «И царь Михаил Федорович и отец его государев Филарет Никитич тех убогих людей пожаловали своим государевым жалованьем»²⁰. При этом русские власти все же скорректировали размер даров. В грамоте говорилось о 60 000 аспрах, в переводе — 300 рублей. Николаю Мамгуселину готовы были выделить 100 рублей, огромную для того времени сумму: «да ево ж Миколая ... пожаловали, что писал об нем Царегородской патриарх Кирилл, ... велели послати племянником ево на окуп 100 рублей денег»²¹.

Средства были найдены, но проситель оставался в России. Для передачи денег решено было воспользоваться помощью русских дипломатов, которым, помимо официальных контактов с султаном Мурадом IV, поручалось доставить в Константинополь внушительные дары восточным патриархам²² дорогими мехами. Предполагалось, что послы Семен Яковлев и Петр Евдокимов вместе с прочими пожертвованиями привезут средства и для родных Николая Мамгуселина, отдав их Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису. Предстоятель, в свою очередь, должен был сам направить помощь нуждающимся единоверцам: «И по государеву указу тем Миколаивым племянником Мамгуселина Остафью и Истоме послана на окуп в Царь-город с послы с Семеном Яковлевым да з дьяком с Петром Овдокимовым денег 100 рублей»²³. Для подтверждения в получении средств, в том числе, племянниками Николая Мамгуселина, необходи-

18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 89–90.

19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 223.

20. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 3.

21. Там же. Л. 3–4; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 81.

22. Фонкич Б.Л., Оборнева З.Е. Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.). С.135–155.

23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 89.

ма была специальная расписка²⁴. 28 января 1628 г. память о мехах для близких Николая Мамгуселина была направлена память в Посольский приказ²⁵, а 7 февраля 1628 г. — в Казенный приказ.

Русские послы Семен Яковлев и Петр Евдокимов отправлялись в Константинополь в сопровождении Фомы Кантакузена. Вероятно, благодаря его вмешательству право вручения мехов семье Николая Мамгуселина перешло непосредственно турецкому посланнику. Покидая Москву вместе с русской миссией, фанариот забрал пожертвования для родных Николая Мамгуселина с собой: «И то царское жалованье соболи послал на выкуп племянником своим с турским послом с Фомою Костентиновичем»²⁶. Причем в документах отразился процесс принятия подобного решения. Первоначально в памяти были внесены имена русских послов²⁷, но затем их вычеркнули, заменив на имя Фомы Кантакузена²⁸.

Царь и Московский патриарх придавали своей благотворительности особое значение. Средства, переданные на выкуп племянников иммигранта, воспринимались как часть системы покровительства Христианскому Востоку. Поэтому русские власти рассматривали дары родственникам Николая Мамгуселина как одну из мер упрочения связей с предстоятелем Вселенского престола. Привезенную Николаем Мамгуселином грамоту посчитали личным прошением Кирилла Лукариса, что потребовало обязательного ответа. Было подготовлено специальное послание к патриарху Кириллу Лукарису: «... писал еси нам царьскому величеству и ко отцу нашему Филарету Никитичю в грамотех своих Турские земли з греченином Никола-

24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 223.

25. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5.

26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 223.

27. Причем изначальная версия сохранилась в документах Разрядного приказа: «По государеву указу тем Миколаивым племянником Мамгуселина Остафью и Истоме послана на окуп в Царь-город с послы с Семенном Яковлевым да з дьяком с Петром Овдокимовым денег 300 рублей» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 90). Но в материалах Казенного приказа было четко указано, что средства на выкуп «гречаном Астафью и Истоме» соболей на 100 рублей были посланы в Константинополь к патриарху Кириллу Лукарису с Фомой Кантакузеном (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 283. Л. 165).

28. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 8.

ем Мамгуселином, что был у него Миколая брат родной именем Георгии и впал в великой долг... И мы царь Михаил Федорович и отец наш Филарет Никитич патриарх Московский и всеа Руси для вашего прошения послали к вашему святительству турского Мурат-салтана с послом с Томою Катакузиным три сорока соболев, а учинили есмь то для вашего прощения и вашему святительству»²⁹. В тексте уточнялось, что меха необходимо «у Томы принять ... и Миколаевым племянником Остафию и Истоме отдать, чем им от того своего долгу испу-питца»³⁰. Документ датирован 11 февраля 1628 г. и был передан Фоме Кантакузену. Таким образом, Николай Мамгуселин добился своей непосредственной цели: он сделал все возможное для спасения родных. Царские пожертвования отправились в Константинополь.

Параллельно получению финансовой помощи для своих близких, Николай Мамгуселин продолжил процесс оформления русского подданства. Процедура подразумевала предоставление сведений о месте рождения и положении его семьи на родине. Суммируя информацию, дошедшую в различных документах, можно говорить, что Николай Мамгуселин происходил из Эпира. Он указал на область Дринополиса, где располагалась кафедра православного митрополита. Уже в Путивле его записали как «Турские земли Дернополя (чуть позже — Дреношполя) греченин переезчик Микуле (затем Никула)»³¹. В военном ведомстве он повторил: «И в ... Ыноземском приказе тот иноземец Миколаи Мамгуселин в роспросе сказал: родом он греченин ... А жил де он в городе в Ерополе»³². Но его род был непосредственно связан с другим эпирским городом — Аргирокастро. В Разрядном приказе было записано «А на Москве греченин Миколаи Мамгуселин в роспросе сказал: отец де иво да и он Миколаи были греческого города Аргирокостри служилые люди»³³. В Иноземском приказе эта

29. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 6–8.

30. Там же.

31. *Флоря Б.Н.* Записи из приходно-расходной книги путивльской воеводской избы за 1627–1628 гг. о русско-балканских связях // Связи России с народами Балканского полуострова ... С. 226, 227.

32. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 40.

33. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1.

связь трактовалась чуть иначе. По его словам, город был дарован его семье: «А именье де за ним было городок Аргирокастри»³⁴. Не исключено, что на членов его рода были возложены обязанности управления Аргирокастро или иные функции.

В Разрядном приказе Николай Мамгуселин указал, что «служил турецкому царю с турецкими людьми»³⁵. Соответственно, социальный статус семьи был записан как «служилые люди»³⁶. Подтверждая свое высокое положение на родине, он говорил о наличии земельного надела в условном владении: «А в роспросе сказался и знатцы про него сказали, что он турецкому царю служил с именья»³⁷. Очевидно, речь идет о тимаре³⁸. В документах Разрядного и Посольского приказа для его должности был подобран эквивалент «дети боярские»³⁹. Наиболее вероятно, на родине Николай Мамгуселин входил в состав отрядов сипахи или же тимариотов. Дьяки чаще всего подбирали именно такие аналоги для сипахи: «спаги, а по-русски дети боярские»⁴⁰. Позже, уже в Иноземском приказе, иммигрант применил термин «дворянинин»: «Родом де он греченин, отец иво и он Миколаи были в Турской земле во дворянех»⁴¹. В документах Иноземского приказа сохранились более подробные сведения об имении, возможно, переданные им еще в Разрядном приказе: «А служил (турецкому царю) с поместья, а в поместье де иво было крестьянских дворов 32 двора»⁴². Кроме того, в изложении «греченина» он получал регулярное жалованье: «Да он же имал у турецко царя жалованье на месяц по 6 рублев»⁴³. Предоставленные во время расспросов данные определили размер вознаграждения за принятие русского подданства. Грамота Константинопольского патриарха также сыграла важную роль. Хотя

34. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 40.

35. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1.

36. Там же.

37. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 9, 251.

38. Земельный надел в условном владении.

39. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 1; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 43. Л. 369; Стб. 29. Л. 9, 251.

40. РИБ. Т. 8. СПб, 1884. Стб. 170.

41. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 40.

42. Там же.

43. Там же.

это была лишь просьба об оказании материальной помощи, подьячий расценили ее как рекомендательную грамоту. Это повышало статус иммигранта. В результате, за «выезд» Николай Остафьев Мамгуселин получил 15 рублей, сорок куниц, тафту и сукно⁴⁴.

Далее власти приступили к определению места службы «греченина». Статус семьи Николая Мамгуселина не признали достаточно высоким для включения его в Государев двор. Османский воин был направлен в Иноземский приказ⁴⁵, куда был доставлен из Разрядного приказа 21 марта 1628 г. Его записали в роту «новых кормовых иноземцев», возглавляемую шотландцем Яном Вудом⁴⁶. В это подразделение входили ратники, прибывающие из Западной Европы и Османской империи. В Иноземском приказе Николай Мамгуселин предстояло еще раз рассказать свою биографию, что было вызвано определением ему поместно-денежного оклада. Верстание «грека» было назначено на 12 мая 1628 г.⁴⁷. Учитывая наличие грамоты Константинопольского патриарха, поместья и жалованья в Османской империи иммигранта причислили к 1 категории рядовых воинов и определили оклад в 400 чети и 20 рублей⁴⁸. Поденный корм составил 4 алтына в день. Кроме того, он получил жалованье в натуральном эквиваленте, т.к. называемое «питье»: «Да питья из Новые чети по 4 чарки вина по крушке меду по 2 крушки пива на день»⁴⁹.

Но, самое главное, в процессе верстания иностранец еще раз рассказал историю своей жизни, дополнив ее важными подробностями. Во время расспросов в Иноземском приказе «греченин» конкретизировал уже свое пребывание в османской армии. Его боевой путь

44. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 3; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 43. Л. 369; Оп. 13. Стб. 29. Л. 89; Оп. 16. Стб. 2. Л. 204; Оп. 9. Стб. 887 Л.40; Оп. 6. Кн. 40. 1628. Л. 3090б.; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 283. Л. 145–1450б.: «Генваря 24 день ... государева жалованья выезжему греченину Миколаю Мамгуселину 4 аршина сукна лундышу лимоново по рублю аршин, 5 аршин тафты виницейки черленой по 23 алтын по 2 деньги аршин, 40 куниц 30 рублей (Дано). А пожаловали ево государи ... за выезд».

45. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 3090б.

46. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 68 Л. 2710б.

47. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 3090б.

48. Там же.

49. Там же.

начался с XVI в. На этот период приходились военные столкновения между турецким султаном Мехметом III и императором Священной Римской империи Рудольфом II. Конфликт спровоцировали Габсбурги, напав на османскую крепость Сисак, что послужило началом так называемой Пятнадцатилетней (Долгой) Австро-османской войны (1593–1608 гг.)⁵⁰. Николай Мамгуселин принял участие в австро-османском противостоянии на территории Венгрии и Трансильвании. Он упоминал эпизод захвата османскими войсками 13 октября 1596 г. города Эгер в горной Венгрии: «И как де турецкой царь Магмет ходил на рубеж на неметцкую и на венгерскую границу и вынял у немец и у венгер город Эгри тому ныне 35 лет. И в те поры с турецким царем с Магметом на границе был»⁵¹. Наиболее вероятно, «греченин» не дождался окончания конфликта и заключения перемирия в 1609 г. и был направлен на следующее место службы.

Его перебросили в Сирию, где ширились восстания против власти султана. В период правления султана Ахмета I неповиновение проявил бейлербей Алеппо курд Джамбулат оглы Али-бей. Действуя в союзе с эмиром Ливана другом Фахр-ад-Дином II, он захватил Триполи, Хомс и другие города Анатолии. На их усмирение был направлен визирь Куйюджи Мурад-паша («Могильщик»), босниец по происхождению⁵². Его карательный поход сопровождался невиданной жестокостью. В подавлении мятежа участвовал и Николай Мамгуселин: «И как де у турецкого царя з Жамболою было меж себя усобие и турецкой де царь посылал на того Жамбалу Мурат пашу, и он де в те поры на тои службе с Мурат пашею был же»⁵³. В 1609 г. Мурад-паша разгромил отряды Джамбулат оглы Али-бея, после чего правительственная армия, наиболее вероятно, включая Николая Мамгуселина, победно вернулась в османскую столицу.

Следующим назначением Николая Мамгуселина стал поход на Кавказ, где в 1603 г. 17 возобновились военные действия между Осман-

50. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. С. 19.

51. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 40.

52. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. С. 18, 35, 41–42.

53. Там же.

ской империей и Ираном. Временное перемирие было достигнуто в 1612 г. Не ясно, участвовал ли Николай Мамгуселин в первых сражениях, но, безусловно, он был задействован в боях 1616–1619 гг. Вступивший на престол султан Мустафа I направил против Ирана армию во главе с визирем Марашлы Халиль-пашой. Первоначально османские войска успешно атаковали противника, были предприняты попытки захвата Нахичеваня, Еревана, Тебриза⁵⁴. Однако удары иранских отрядов не только остановили наступление, но и нанесли сокрушительные потери османской армии. Войска султана попали в окружении и были разбиты. Николаю Мамгуселину удалось спастись и избежать плена. Очевидно, он вернулся на родину после подписания перемирия в 1619 г.: «И после тово ходил он против кизыбашсково царя на службу с Алим-пашею. И на том бою был до мирново поставленья. И как де турки с кизыбашским царем помирились и он де пришел во Царь-город»⁵⁵.

После иранской кампании Николай Мамгуселин был направлен в следующий поход. В 1620–1621 гг. османская империя вступила в противостояние с Речью Посполитой, что было вызвано поддержкой польским королем Сигизмундом III притязаний Габсбургов в Трансильвании, а также стремлением установить польский вассалитет над Молдавским княжеством. Войска Речи Посполитой под предводительством коронного гетмана Станислава Жолкевского двинулись к Яссам для поддержки молдавского господаря Гаспара Грациани. Сменивший Мустафу I султан Осман II направил в Молдавское княжество экспедицию во главе с бейлербеем Силистрии Ибрагим-пашой. Встреча двух противников произошла в окрестности молдавской столицы. Цецорское сражение 1620 г. завершилось поражением польских войск, что дало основания султану Осману II рассчитывать на дальнейший успех. Сохранив контроль над Молдавским княжеством, он стремился подчинить часть территорий Речи Посполитой. На следующий год султан Осман II, лично возглавив армию, осадил Хотин. Взять крепость не удалось, и вскоре обе стороны согласились на заключе-

54. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. С.60.

55. Там же.

ние мирного договора (1621 г.)⁵⁶. Османские войска, включая Николая Мамгуселина, смогли вернуться на родину: «А из Царя-города ходил он с турским царем против литовских людей. И на бою он с литовскими людьми был до отходу»⁵⁷

Таким образом, Николай Мамгуселин провел на полях сражений около тридцати лет, став участником большинства военных конфликтов Османской империи того времени. Он сражался на западных и восточных границах империи, входил в карательные экспедиции по подавлению внутренних мятежей. В составе османской армии он застал правление нескольких султанов. Неясно, был ли направлен Николай Мамгуселин в поход на Иран, война с которым возобновилась в 1623 г. Также нет сведений о том, отразились ли на его семье очередные смены власти на османском престоле. В 1622 г. в результате восстания янычар был убит султан Осман II, которого на короткий период сменил Мустафа I, а в 1623 г. на престол взшел Мурад IV.

Безусловно лишь, что на определенном этапе родные Николая Мамгуселина столкнулись с серьезными трудностями, заставившими немолодого воина покинуть дом и отправиться в странствие. Можно предположить, что к началу-середине 20-х гг. XVII в. уже не было в живых его отца. Нередко после кончины главы семьи у наследников возникали проблемы с земельными наделами, что вынуждало их занимать деньги. Не исключено, что подобная ситуация произошла и с родными Николая Мамгуселина, когда брату пришлось заложить сыновей для получения суммы, необходимой для погашения долга. Но его неожиданная смерть повлекла финансовые и юридические осложнения. Юноши решили отправиться в Константинополь, чтобы урегулировать правовые вопросы с османскими властями: «И отца их, а ево Миколаева брата не стало. И они (Остафий и Истома) приехали было об отцовских вотчинах царю бити челом»⁵⁸. Однако ростовщики усмотрели в подобных действиях попытку бегства от обязательств и предпочли заключить наследников заемщика под стражу: «И их

56. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. С.115–117.

57. Там же.

58. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 2.

отцовские должники, которым они заложены, ухватили и посадили в тюрьму. И ныне они сидят в тюрьме и вступитца за них некому, потому что мир убог»⁵⁹. Видимо, для вызволения племянников Николай Мамгуселин обратился за помощью в канцелярию Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, где получил грамоту на сбор пожертвований. С ней немолодой ратник из Эпира отправился в долгий путь ради спасения родных.

К 1627 г. он достиг России, где встретил понимание. В период формирования русского-османского договора «греченин», наиболее вероятно, при участии Фомы Кантакузена смог получить средства для своих близких. Включенность фанариота в его судьбу обеспечила поддержку и уже осевших в России «греческих» духовных и светских лиц. Показания Николая Мамгуселина в Иноземском приказе подтвердили «греческие» воины, пользующиеся авторитетом у русских властей⁶⁰: Афанасий Арнаут, Иван Мирчев, Фома Цветков, Аврам Константинов, Дмитрий Перван⁶¹. Афанасий Арнаут перебрался в Россию в конце XVI в., когда в османской армии начал свою службу Николай Мамгуселин. Остальные «знатцы» прибыли в Россию чуть раньше Николая Мамгуселина — в 1624 г. Кроме того, все они, за исключением Афанасия Арнаута, были зачислены в роту Яна Вуда. Вопрос о том, пересекались ли пути сослуживцев Николая Мамгуселина на родине, были ли они в действительности знакомы, остается открытым.

Но, главное, помимо боевых товарищей по Иноземскому приказу в роли «знатцев» выступило греческое духовенство. За Николая Мамгуселина заступились келари Новоспасского монастыря Иоанникий⁶² и Угрешского монастыря Никодим: «А знали де иво Миколая

59. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 5. Л. 2–3.

60. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 42.

61. *Опарина Т.А.* Малоизвестное имя грека в штате Посольского приказа XVII в.: Дмитрий Перванов // Научно-теоретический журнал кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. Ломоносова. 2018. № 1–2 (3). С. 114–123.

62. *Фонкич Б.Л.* Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Вып. 10. М., СПб., 2006. С. 85–110; *Опарина Т.А.* Иоанникий Грек и греческое землячество Москвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). Сент. 2017. С. 96–97.

в Турской земле и про службу и во ведают Спаса Нового монастыря келарь старец Ионикеи да и из Святые горы протопецкой старец, что остался на государево имя Никодим»⁶³. Таким образом, истинность слов «греченина» заверили не только заслуживающие доверие власти военные, но и келари известных русских обителей. Безусловно, сомнений в правдивости изложенной Николаем Мамгуселином биографии у русских властей не могло остаться. Завершив окончательное оформление русского подданства, Николай Мамгуселин продолжил службу в Иноземском приказе, исправно выезжая на Тулу и регулярно получая жалованье⁶⁴. Он вошел в русское общество, женился, его супругу звали Дарья⁶⁵.

Располагая поддержкой столь значительных духовных и светских «гречан», Николай Мамгуселин практически сразу сам становится «знатцем». Его регулярно привлекали для подтверждения показаний новых иммигрантов. Первый раз он засвидетельствовал расспросы Дмитрия Иванова Токмакова⁶⁶, жизненные пути с которым оказались у него удивительно схожи. Вероятно, на родине оба «гречанина» принадлежали к отрядам сипахи или тимариотов, вследствие чего в России их причислили к «детям боярским». Как и Николай Мамгуселин, Дмитрий Токмаков обладал земельным наделом⁶⁷ и имел богатый боевой опыт, полученный в войнах с Ираном (1623–1639) и на границах с имерией Габсбургов⁶⁸. После кончины отца имение семьи Дмитрия Токмакова было разграблено, а затем и изъято, ему предъявили обвинения в невыплаченном долге, что повлекло тюремное заключение. Греческие купцы, ссудив деньги, освободили Дмитрия Токмакова. Но в долговой яме теперь оказалась престарелая мать османского воина. Для ее спасения Дмитрий Токмаков отправился за пожертвованиями,

63. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887. Л. 42.

64. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 68. Л. 2710б; Оп. 9. Стб. 905. Л. 33, 39; Стб. 1139. Л. 61; Стб. 902. Л. 24, 54, 69; Стб. 1054. Л. 133.

65. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 681.

66. *Опарина Т.А.* Переселение в Россию греченина Дмитрия Токмакова и грамота Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 24–37.

67. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 2.

68. Там же. Л. 35.

предварительно получив грамоту в канцелярии Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса⁶⁹. В Россию он приехал летом 1628 г., дело о его выезде велось в Разрядном приказе, греческий документ перевел Борис Богомольцев, а местом службы была определена рота Яна Вуда Иноземского приказа. Здесь он встретился с Николаем Мамгуселином, ставшим для него одним из «знатцев» как в Разрядном, так и в Иноземском приказах. Различной оказалась лишь сумма для решения финансовой проблемы. Ссылаясь на ситуацию Николая Мамгуселина, Дмитрий Токмаков просил выделить ему для выкупа матери 50 рублей. Власти назначили ему лишь 10 рублей. Средства были отправлены в Константинополь с игуменом Зихновского Архангельского монастыря Неофитом. Следует помнить, что и в случае с Николаем Остафьевым Мамгуселином запрашиваемая сумма была скорректирована. Но столь скромное пожертвование в 10 рублей, причем при наличии грамоты Кирилла Лукариса, может свидетельствовать о наступивших сомнениях русских властей в возможности укрепления контактов со Вселенским престолом при помощи подобных просителей «милостыни».

Помимо Дмитрия Токмакова, в 1628 г. Николай Мамгуселин стал «знатцем» для целого ряда других иммигрантов. Большинство из них были названы в России «детьми боярскими» и обладали имением. Адам Константинов⁷⁰ и Ян Николаев⁷¹ происходили из Фессалоники; Николай Радулов служил в Валашском княжестве⁷². Иным было происхождение стамбульского грека Афанасия Семенова⁷³, говорившего об исполнении по найму в османской столице неких дворцовых поручений. Все их показания, наряду с другими влиятельными «гречанами», заверил Николай Мамгуселин, признав истинность их слов⁷⁴.

В 1629 г. Николай Мамгуселин выступил в качестве свидетеля для еще одного иммигранта, приехавшего в Россию в 1624 г., — Ивана Мир-

69. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 35.

70. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 877. Л. 305–307.

71. Там же. Л. 333–335.

72. Там же. Л. 333, 336–338.

73. Там же. Л. 344–347.

74. Там же. 347.

чева. В ходе следствия у Ивана Мирчева обнаружилось два фамильных прозвища. В России его называли Мирчевым, в то время как на родине — Коя. Николай Мамгуселин в числе прочих земляков подтвердил, что Иван Мирчев и Иван Коя является одним и тем же человеком: «А сыску толмач Дмитриеи Перванова, Посольсково приказу греческой переводчик Борис Богомольцов да греченин Миколаи Мамгуселин сказали по государеву крестному целованью, что греченин Иван Мирчеев, а по-гречески то прозвище Мирчеева называют Кое. А что Мирчеев, и то слово переведено на русской язык, тож слово и что Кое, что и Мирчеев. И то одно слово Кое по-гречески, а Мирчеев по-русски. Да к той своей скаске руки приложили»⁷⁵. Свидетельства земляков позволили Ивану Мирчеву продолжить службу в Иноземском приказе.

Более того, Николай Мамгуселин был вовлечен в процесс принятия важных для «греческой» общины решений. В Иноземском приказе помимо института «знатцев» существовал институт «окладчиков». Если «знатцы» подтверждали истинность биографических данных иммигрантов, то «окладчики» рекомендовали им размер поместно-денежного оклада. В предверии Смоленской войны количество выездов из Османской империи и ее вассальных государств в Россию увеличилось. Но, в отличие от военных из Речи Посполитой и Западной Европы, у «греческих» иммигрантов не оказалось «окладчиков». В 1628 г. в роте Яна Вуда, куда и прибывали новые выходцы, определили «греческого» «окладчика», которого выбирала специальная комиссия из трех «гречан», оставивших свои подписи. В их число вошел и Николай Мамгуселин⁷⁶, который в составе комиссии предложил в качестве «греческого» «окладчика» Остафия Пятиленова (Пителянова)⁷⁷, который и был назначен на эту должность. Подписывался за всех членов комиссии переводчик Борис Богомольцев⁷⁸.

75. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 902. Л. 142.

76. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 905. Л. 208, 208об.

77. О нем см.: *Опарина Т.А.* Посольство Петра Мансурова и Семена Самсонова (1615–1619 гг.) и «греческая» светская миграция // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015719-9-1/>.

78. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 905. Л. 208об.

В 1630 г. в Иноземском приказе произошли изменения. Русское правительство, предполагая активные военные действия против Речи Посполитой, провело ряд реформ в армии. В частности, была выделена особая «греческая рота», в которую из других рот перевели военных из Османской империи и ее вассальных государств. В первую очередь в новое подразделение включили «гречан» роты Яна Вуда. Николай Мамгуселин сразу вошел в состав нового подразделения, более того, он участвовал в выборе его командира⁷⁹. Самой достойной кандидатурой ротмистра единодушно был признан поручик Николай Мустофин. Таким образом, за короткий период после выезда Николай Мамгуселин занял в Иноземском приказе прочные позиции и вошел в круг лиц, вызывающих доверие как властей, так и сослуживцев.

После «разбора»⁸⁰ 1630 г. новая рота была направлена на береговую службу. Ратникам предварительно выдали жалованье на несколько месяцев. Но получив назначение отбыть на Тулу, Николай Мамгуселин на этот раз не смог его выполнить. Он узнал, что в Москве в качестве османского посланника вновь оказался Фома Кантакузен. Николай Мамгуселин обратился к руководству Иноземского приказа с просьбой об отсрочке посылки на службу. В челобитной он объяснял, что все это время жил в неизвестности, не имея информации о своих близких, ради которых остался в России. Сейчас «греческий» ратник рассчитывал встретиться с Фомой Кантакузеном, чтобы прояснить судьбу родных: «И с тех, государь, мест и по ся места мне холопу твоему про тех моих племянников слухасти нет, а мне холопу твоему сказана твоя государева служба, высылают меня вон. А ныне, государь, приехал к Москве турецкой посол, тот же Фома Костентинович, а мне холопу твоему без твоей государской милости, без указа о тех своих племянниках спросить не сметь»⁸¹. Безусловно, русское правительство, потратив значительные средства, хотело знать результат своей благотворительности. Власти пошли на встречу «греческому» ратнику и позволили ему остаться в Москве. 13 мая 1630 г. была отправлена память в Иноземский приказ с поручением не записывать Николая Мамгуселина в «нетех».

79. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 246.

80. Распределение по ротам.

81. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 223.

Николаю Мамгуселину не сразу удалось добиться аудиенции у Фомы Кантакузена. Однако после настойчивых попыток он все же смог встретиться с турецким посланником и узнал, что его племянники освобождены из тюрьмы. Иммигрант мог быть спокоен за своих родных и их дальнейшее благополучное существование. Он сообщил об этом русским властям, которых уверил, что благодаря царским дарам его близкие спасены: «По государеву указу посланы моя братья на государеву службу на Тулу, а я бил челом государю, чтоб мне повидатца с турским послом с Фомою и распросить про родимцов, выкуплены ли оне из неволи у турецких людей. И по государеву указу велено мне остатца в те поры на Москве. И я в те поры на Москве остался, на Тулу не поехал, а с послом долго не видался. И ныне по государеву указу с послом виделся и про родимцев своим роспрошал. И он мне сказал, что родимцы мои выкуплены»⁸². Выяснив все подробности, Николай Мамгуселин вернулся на службу. Его отправили на Тулу 17 июня 1630 г.⁸³.

Но история с племянниками Николая Мамгуселина на этом не закончилась. Помимо челобитной Николая Мамгуселина и, видимо, устных свидетельств Фомы Кантакузена о счастливом завершении дела, в распоряжении Посольского приказа оказывается новая греческая грамота, наиболее вероятно, доставленная Фомой Кантакузеным. На этот раз грамота исходила от Иерусалимского патриарха Феофана. Ее греческий оригинал не сохранился, но дошло два перевода, выполненных разными авторами. Возможно, это были проверочные работы для экзамена при приеме на должность переводчика Посольского приказа⁸⁴. В это время в штат Посольского приказа были введены Мануил Матвеев Филадельфийский и Федор Черкасов⁸⁵, которые и являются вероятными авторами переводов греческой грамоты патриарха Феофана.

Полученный в 1630 г. греческий документ почти дословно подтверждал «расспросы» Николая Мамгуселина, включая подробности о по-

82. Там же. Л. 224.

83. Там же. Л. 226.

84. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 61–69.

85. *Она же.* С. 68, 166, 168, 178.

местье и местах службы. Автор знал о связи иммигранта с Эпиром: «от области Аргиру града»⁸⁶; об обладании земельным наделом и жалованьем: «Имел отец ево от турского царя в поместье 320 крестьяном, а он Николаи имел за собою поместье от царя 32 человека крестьян, да поденного корму давали ему по 40 денег на день»⁸⁷; о поручениях в Османской империи: «Службы он многие турскому царю во Егрипе и во Езверуме и в Литве и в иных во многих местех»⁸⁸. Таким образом, содержание грамоты удивительно схоже с информацией, изложенной Николаем Мамгуселином при выезде в Разрядном и Посольском приказах. Кроме того, составитель грамоты был хорошо знаком с реалиями уже русской жизни Николая Мамгуселина. Он точно воспроизвел варианты именованя иммигранта в России: «Николаи Остафьев сыне прозвище Махгмусиленинов»; «Николаи прозвище Магмуселин»⁸⁹. В целом, грамота патриарха Феофана 1629 г. заверяла биографию иммигранта, его данные о социальном и имущественном положении на родине, о военных действиях, в которых он участвовал.

Кроме того, патриарху Феофану была известна предшествующая грамота патриарха Кирилла Лукариса, которая называлась теперь рекомендательной: «свидетельственной от брата и сослужбника нашего смирения от вселенского патриарха Кирилла к царствию твоему»⁹⁰; «о котором прежде сего свидетельствовал брат наш и сослужбник нашего смирения»⁹¹. Иерарх передавал ее текст с указанием точной суммы долга, но в версии русского перевода. Главное, грамота патриарха Феофана содержала уже информацию о племянниках Николая Мамгуселина, о которых ничего не говорилось в греческой грамоте патриарха Кирилла Лукариса: «не о которых племянников ево, что есть были заложены и проданы в руки нечестивых агаряном за сокровище денег числом бо ооо»⁹². Устный рассказ о родных Нико-

86. РГАДА. Оп. 1. Ф. 52. 1630. № 14. Л. 2.

87. Там же. Л. 5–6.

88. Там же. Л. 7.

89. Там же. Л. 2.

90. Там же. Л. 2.

91. Там же. Л. 6.

92. Там же. Л. 2, б.

лая Мамгуселина как жертвах гонений теперь окончательно воспринимался частью текста изначальной патриаршей грамоты Кирилла Лукариса. Тем самым снимались разночтения между «расспросом» Николая Мамгуселина и содержанием предъявленной им греческой грамоты.

Причем предстоятель заверял русского царя в полном исполнении просьбы патриарха Кирилла Лукариса. Он сообщал, что родственники Николая Мамгуселина выпущены из темницы: «благодаря великому твоему царьствию, еси освободил проданных двух ево племянников своею великою милостию, что еси прислал с Фомою Костянтиновичем Кантакузиным в Костянтин-град, да освободилися тем, и славят Бога и благодарят и многолетствуют святому твоему царьствию, что еси показался новии Авраам ко всем крестьяном»⁹³. Вторая греческая грамота подтверждала факт получения высланной из России суммы родными иммигранта. Патриарх Феофан сообщал царю, что его дары дошли и были использованы по назначению. Благодаря им юные христиане были освобождены из долговой ямы. Точное совпадение всех фактов позволяло снять все сомнения, которые, судя по скудным дарам Дмитрию Токмакову, уже возникали у русских чиновников.

Русские власти не отметили странности в переписке с предстоятелями Христианского Востока. Получалось, что о Николае Мамгуселине писал царю и Московскому патриарху Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, которому и ответили русские правители в специальном послании. Но благодарность за дары высказал уже Иерусалимский патриарх Феофана, оказавшийся в курсе всех деталей. Создается впечатление, что патриарху Феофану были переданы точные сведения, возможно, по просьбе Фомы Кантакузена или иных посредников. Очевидно, Фома Кантакузен контролировал как процесс передачи даров, так и информирования русских властей и самого Николая Мамгуселина об успешном завершении его дела.

Свое послание патриарх Феофан заключал новой рекомендацией Николаю Мамгуселину. Иерарх говорил о чистоте православия его

93. РГАДА. Оп. 1. Ф. 52. 1630. № 14. Л. 3.

семьи и благородном происхождении: «человек природной и вельможной, и от великих людей и благочестив в православной вере Христове., природство имели родители ево крестьяне у агарян в великой чести были»⁹⁴; «что он именитой человек, и преж того родители иво были в Турском царьстве в великой чести»; «что он славного и пречеснаго роду»⁹⁵. Иерусалимский патриарх просил царя Михаила Федоровича о дальнейшем покровительстве иммигранту: «И будет сподобитца под святым и под высочайшеством царствия твоего, подobaет ему от великого царствия твоего воспрять и под святою рукою твоею будет всегда покровен в радости и в веселие и во здравии при твоем самодержавии»⁹⁶; «По сем прошу и молю у святого царствия, пожалуйста иво и почтите и всегда пребудет под святою и славною рукою царьскою самодержавною и сподобитца восприятию по вся дни преславное и святое благословение от престытительства твоего и достойную твою милость, да возрадуется и возвеселится при святом вашем самодержавии»⁹⁷. В качестве рекомендательной грамота патриарха Феофана первоначально не имела успеха. Греческий документ на тот момент ничего не изменил в судьбе Николая Мамгуселина. Повышения по службе или перевода в другую, более престижную социальную группу не произошло.

«Греченин» остался в Иноземском приказе⁹⁸, где шла подготовка к войне с Речью Посполитой. В 1631/2 г. ему выдали 25 рублей на покупку вооружения⁹⁹. На смотре перед отправкой на фронт он предстал перед властями¹⁰⁰, получив затем жалованье на три месяца — 18 рублей 2 деньги¹⁰¹. Следующие суммы выдавались ратнику уже во время военных действий¹⁰². В Москве в его отсутствие жалованье в натуральном выражении — «поденное питье» получала супруга

94. РГАДА. Оп. 1. Ф. 52. 1630. № 14. Л. 2.

95. Там же. Л. 4.

96. Там же. Л. 2.

97. Там же. Л. 4.

98. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 35. Л. 159.

99. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 1270б.

100. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 31.

101. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 130б.

102. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 681.

Дарья¹⁰³. В декабре 1633 г. Николай Мамгуселин ненадолго оказался в столице¹⁰⁴. В Иноземский приказ для подачи коллективной челобитной были направлены Дмитрий Волошенин и Афонасий Семенов¹⁰⁵. Вероятно, с этой же целью выехали в Москву Николай Мамгуселин и Андрей Серчеев, к которым самовольно присоединился Григорий Мисюрский. Последний был признан дезертиром и вскоре отправлен на фронт. Андрей Серчеев почувствовал недомогание по дороге и не смог ехать далее Дорогобужа. Почему его оставил здесь Николай Мамгуселин мы не знаем. Но добраться до Москвы Андрею Серчееву помогли уже Дмитрий Волошенин и Афанасий Семенов. После выздоровления его отправили на фронт¹⁰⁶. Николай Мамгуселин одновременно оказался в списках «нетей», тем не менее, его поездка в столицу никак не отразилась на службе. Под Смоленском он доблестно сражался с противником. После окончания войны «греченин» получил вознаграждение в виде повышения оклада: «Да 143-го апреля в 28 день по государеву указу Миколаю Мамгуселину государева жалованья прибавлено за подсмоленскую службу за осадное сиденье против дворян и детей боярских поместного 50 чети денег 3 рубли да корму по 3 деньги на день. Да ему ж прибавлено по памяти из Розряду за смоленскую службу за убитого мужика поместной оклад 50 чети денег 1 рубль. Итого ему окладу с прибавкою поместной 500 чети денег 24 рубли. Да корму по 7 алтын 3 деньгою на день»¹⁰⁷.

После получения прибавки к окладу Николай Мамгуселин недолго оставался в Иноземском приказе. Уже на следующий год в 1636 г. он смог перейти в Разрядный приказ¹⁰⁸. Наиболее вероятно, изменить социальный статус Николаю Мамгуселину помогло новое заступничество представителей греческого духовенства. В Разрядном приказе

103. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 681.

104. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 5–8.

105. Там же. Л. 5–8, Л. 214.

106. Там же.

107. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 28.

108. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 216. Л. 275; Стб.184. Л. 138; Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года (Подг. Жаринов Г.В.) // Архив русской истории, Вып. 8. 2007. С. 382–483; Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: В 2 т. Казань, 2009. Т. 2. С. 231.

его зачислили в группу московских дворян-иноземцев¹⁰⁹, исполнение службы в которой мало отличалось от службы в Иноземском приказе. Как и ранее, «греческий» ратник должен был через год выезжать на Тулу, но уже в составе дворянской сотни.

На 1636 г., когда происходил процесс переоформления, Николай Остафьев Мамгуселин не получил назначения на береговую службу. Но это повторилось и в 1637 г., вызвало негодование сослуживца. Иван Юрьев, как и Николай Мамгуселин, недавно оказавшийся в Разрядном приказе, составил возмущенную челобитную: «И которые моя братья служат государю по московскому списку, и те на государеву службу не посланы: Миколаи Остафьев сын Мангусилин, Ондреи Дмитриев сын Серчеев И те моя братья в прошлом во 146-м году на государеве службе не бывали»¹¹⁰. В 1642 г. на подобные нарушения обратил внимание уже Андрей Серчеев, указав на несправедливость по отношению к нему: «По государеву указу написаны мыпо московскому списку. А ныне нас посылают на государеву службу на Тулу мимо нашей братьи ... Миколая Остафьева сына Махмуселимова ... А тем таварыщам нашим корм идет болши нашего, а на государеве службе нигде не бывали. И ныне с нами не написаны ж на государеву службу на Тулу»¹¹¹. Действительно, в списках, отправленных на Тулу, имя Николая Остафьева Мамгуселина отмечено припиской: «в нетех»¹¹². Но, несмотря на многочисленные пропуски службы, Николай Остафьев Мамгуселин регулярно получал поденный корм в 7 алтын с деньгой в день¹¹³. 2 ноября 1645 г. его жалованье сократили до 6 алтын в день¹¹⁴. В 1654 г. греческого ратника не стало¹¹⁵.

109. Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–64.

110. РГАДА.Ф. 210. Оп. 10. Стб. 110. Л. 187.

111. РГАДА.Ф. 210. Оп. 9. № 176. Л. 376.

112. РГАДА.Ф. 210. Оп. 9. № 176. Л. 366.

113. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6–е. Д. 4. Л. 210б., 81.

114. Там же. Л. 89.

115. РГАДА.Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 370; Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 55–64.

За время пребывания Николая Остафьева Мамгуселина в России, он сумел обзавестись в Москве собственным жилищем. К 1638 г. «греченин» обладал домом в Печатной слободе¹¹⁶, где рядом с ним находились его сослуживцы, в том числе писавшие на него челобитные: Андрей Дмитриев Сергеев, Иван Юрьев. Кроме того, недалеко проживали Иван Скорлатов и уже покинувший Иноземский приказ переводчик Посольского приказа Дементий Чернцов¹¹⁷.

Все они, как и большинство жителей другой слободы — Греческой, оказались втянуты в развернувшийся в 1642 г. конфликт между семьями Альбертусов-Далмацких и Алибеевых-Макидонских¹¹⁸. Странники Альбертусов-Далмацких, в том числе, ротмистр «греческой» роты Юрий Трапезундский¹¹⁹, активно собирали подписи на бумагах, называя их поручной записью на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Но документ оказался коллективным изветом против Алибеевых-Макидонских. Уйдя из Иноземского в Разрядный приказ Николай Мамгуселин никак уже не был зависим от Юрия Трапезундского, более того, он проживал не в Греческой слободе, как Юрий Трапезундский, а в Печатной. Тем не менее, настойчивость Юрия Трапезундского, поджидавшего Николая Мамгуселина у Разрядного приказа, имела успех: «В нынешнем, во 151-м году говорил мне перед Розрядом греческой

116. Росписной список города Москвы 1638 года / Под ред. И.С.Беляева. М., 1911. (Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества). С. 258–259.
117. О нем см.: *Оборнева З.Е.* Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631–1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 38–59; *она же.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 183–189.
118. *Опарина Т.А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 53–63.
119. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. С. 284–316; *она же.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. 2017. № 1. С. 171–197.

ротмистр Юрья Трапизонской, чтоб мне для ево слова ручатся в статье по князя Дмитрея Альбертуса. И я по ево Юрьеву велению, поверя ему, на порозжем столпце руку приложил по иноземскому обычаю глухо»¹²⁰. Николай Остафьев Мамгуселин расписался на греческом языке в предложенных бумагах. Но вскоре выяснилось действительное содержание подписанных бумаг: «И на том столпце написал он, Юрья, изветную челобитную на своих недрузеи, на князь Настаса да на князь Федора в их отчестве»¹²¹. Началось следствие. Чтобы избежать судебных наказаний, Николай Остафьев Мамгуселин направил в Посольский приказ явочную челобитную. В ней он винил Юрия Трапезундского в сокрытии своих реальных целей: «Руку приложил к порозжему столпцу, поверя Юрью Трапизонскому, что он мне сказал для поруки, а не для их отчества»¹²². Николай Остафьев Мамгуселин говорил о введении его в заблуждение Юрием Трапезундским, при этом довольно резко открешивался и от Алибеевых-Макидонских: «А я през то, что в челобитной написано, ничево не ведаю и отчества их не знаю... И до князь Настаса да на Федора в отчестве мне дела нет»¹²³. В свою очередь он указал на свою долгую и безупречную службу царю: «А служу государю с выезду пятнацать лет. А ни в котором приказе в суде не бывал, и ни на ком ничево не искивал»¹²⁴. Действительно, следственных дел с его участием не зафиксировано. В конечном счете, Николай Остафьев сын Мамгуселин, как и все оставившие свои подписи «гречане», были оправданы.

Николай Остафьев Мамгуселин провел в России двадцать семь лет. Не совсем ясно, с какой целью он ехал в Россию: получить пожертвования и вернуться на родину, или же для спасения племянников, ради которых готов был остаться в России. Безусловно лишь, что, получив стандартный формуляр грамоты в канцелярии Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса о сборе «милостыни», он и далее неизменно пользовался поддержкой духовенства Христианского Востока.

120. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 179.

121. Там же.

122. Там же.

123. Там же.

124. Там же.

За него заступался в специальной грамоте Иерусалимский патриарх Феофан, его показания в Иноземском приказе подтвердили келари Новопаспасского монастыря Иоанникий и Угрешского монастыря Никодим. Наиболее вероятно, протекция неизвестного сейчас покровителя обеспечила ему переход из Иноземского приказа в Разрядный.

В новом ведомстве он не проявил себя столь же ярко, как в прежнем. Если в составе «греческой» роты Иноземского приказа Николай Остафьев Мамгуселин доблестно сражался в Смоленской войне, то в сотне дворян-иноземцев он скорее уклонялся от службы. Очевидно, сказывался возраст иммигранта. Николай Остафьев Мамгуселин приехал в Россию, имея как минимум 35-летний боевой опыт в Османской армии. Почти 10 лет он провел в Иноземском приказе, т.е. при зачислении в Разрядный приказ он был строю примерно 45 лет. В Разрядном приказе иноземец-кормовщик находился около 18 лет, завершая свою жизнь. В середине XVII века ему было более 70 лет.

Удивительным остается отношение к его вероисповеданию в русском обществе. Многолетняя служба в османской армии, рассказ о наличии поместья (очевидно, тимара), достаточно высокое положение в османском обществе (в его изложении) и запоминающееся тюркское фамильное прозвище — все это явно говорило о принадлежности иммигранта к исламу, однако не вызвало подозрений у русских духовных властей. Отступлений от православия у «греченина» Николая Остафьева Мамгуселина не усмотрели. Не исключено, что при выезде он сообщил о христианском вероисповедании, а грамота Иерусалимского патриарха Феофана окончательно подтвердила чистоту веры его семьи и его самого. Для патриархов Христианского Востока вынужденный переход греческой семьи в ислам не виделся серьезным преступлением, важно было ее изначальное вероисповедание и возможность хотя бы одного члена семьи вернуться в православие. В России Николай Остафьев Мамгуселин и его родные воспринимались страдальцами за веру, испытывающими преследование от османских властей. Еще одним важным аспектом его биографии является вопрос о характере переводов грамот патриархов Христианского Востока. Очевидно, существовала возможность внесения в перевод смысловых дополнений, отсутствующих в оригинале.

Библиография

Архивные источники

- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1.1628. № 2.
РГАДА. Ф. 52. Оп. 1.1628. № 5.
РГАДА. Ф. 52. Оп. 1.1630. № 14.
РГАДА.Ф. 52. Оп. 1.1643. № 1.
РГАДА. Ф. 52. Оп. 2.1627. № 43.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 68.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4.
РГАДА.Ф. 210. Оп. 9. Стб. 176.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб.184.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 216.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 887.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.Стб. 902.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 905.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1054.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб.1139.
РГАДА.Ф. 210. Оп. 10. Стб. 110.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб 29.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 35.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. стб 43.
РГАДА.Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277.
РГАДА.Ф. 210. Оп. 16. Стб. 2.
РГАДА.Ф. 396. Оп.2. Кн. 283.

Изданные источники и литература

Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань, 2009.

Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–64.

Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года (Подг. Жарин Г. В.) // Архив русской истории. Вып. 8. 2007. С. 382–483.

Оборнева З.Е. Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631–1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. М., 2018. Вып. 2. С. 38–59.

Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.

Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн.1.

Опарина Т.А. Два Николая Мамгуселина — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII в. // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи. Материалы международной научной конференции, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 169–172.

Опарина Т.А. Иоанникий Грек и греческое землячество Москвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). Сент. 2017. С. 96–97.

Опарина Т.А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.

Опарина Т.А. Малоизвестное имя грека в штате Посольского приказа XVII в.: Дмитрий Перванов // Научно-теоретический журнал кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. Ломоносова. 2018. № 1–2 (3). С. 114–123.

Опарина Т.А. Переселение в Россию греченина Дмитрия Токмакова и грамота Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса // Специальные исторические дисциплины. М., 2018. Вып. 2. С. 24–37.

Опарина Т.А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенно-

сти // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 53–63.

Опарина Т.А. Посольство Петра Мансурова и Семена Самсонова (1615—1619 гг.) и «греческая» светская миграция // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015719-9-1/>.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998.

Росписной список города Москвы 1638 года / Под ред. И.С.Беляева. М., 1911 (Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества).

Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 8. СПб., 1884.

Флоря Б.Н. Записи из приходно-расходной книги путивльской воеводской избы за 1627–1628 гг. о русско-балканских связях // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990.

Флоря Б.Н. Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2–3. С. 248–287.

Фонкич Б.Л. Формуляр грамот Константинопольского патриарха XVI-XVII вв. (По материалам московских архивов) // Вторые чтения памяти проф. Николая Федоровича Каптерева. Материалы. М., 2004. С. 23–27.

Фонкич Б.Л. Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. М.–СПб., 2006. Вып. 10. С. 85–110.

Фонкич Б.Л., Оборнева З.Е. Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.) // Монфокоп. М., 2017. Вып. 4. С. 135–155.

The Orthodox “Greek” Nikolai Ostafyev Mamguselin (Mahmut-Selim) and the letters of the Christian East Patriarchs

Tatiana A. Oparina

PhD in History

Russian Academy of Fine Arts,

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

t-a-opart@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the biography of one of the immigrants from the Ottoman Empire and the role of the letters of the patriarchs of the Christian East in his fate. Before arriving in Russia, Nikolai Astafyev Mamguselin already had 35 years of combat experience in the Ottoman army. In Russia he spent 27 years in the military department for foreigners and in Russian military service. His adaptation to Russian society was facilitated by the letters of the Patriarch of Constantinople Cyril Lukaris and the Patriarch of Jerusalem Theophanes. The article raises the question of the quality of the translation of Cyril Lukaris’s letter, whose Russian version contains some additional fragments. This immigrant with a Turkic family name, using the letters of the patriarchs, managed to convince the Russian authorities of his Orthodox confession when in his homeland.

Keywords: Migration, diplomatic contacts, Russia and the Christian East, the Ottoman Empire and its vassal states.